

СТАЛА ЛИ ВЕНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СИСТЕМОЙ?

В.С. Дударев

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу Венской системы международных отношений с точки зрения принципов системности, характерных признаков системы и представления системы в формате «ядро — периферия». На основании рассмотрения итогов Венского конгресса, конгрессов европейских держав 1810–1830-х гг. делается вывод об эластичности общесистемного ядра Венской системы, возможности сложившегося после 1815 г. миропорядка реагировать на вызовы времени. Отдельное место в статье уделяется позиции Российской империи в международных делах XIX в., оценке ее международного курса с точки зрения заложенных на Венском конгрессе принципов и в контексте внешней политики великих держав в Европе. Особое внимание уделено важным датам европейской истории, которые могли стать финальными для функционирования Венской системы.

Ключевые слова: система международных отношений, Венский конгресс, легитимизм, баланс сил, пентархия, великие державы, международные конгрессы, Александр I.

Для цитирования: Дударев В.С. Стала ли Венская система международных отношений системой? // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Часть 2. С. 355–370. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-355-370

355

HAS THE VIENNA SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS BECOME A SYSTEM?

V.S. Dudarev

Abstract. The article analyzes the Vienna system of international relations in terms of the systemic principles, characteristic features of the system and representation of the system in the “core — periphery” structure. Based on the results of the Congress of Vienna, congresses of European powers of 1810–1830s the conclusion is made about the elasticity of the system-wide core of the Vienna system, the possibility of the world order formed after 1815 to respond to the challenges of time. A special place in the article is given to the position of the Russian Empire in international affairs of the XIX century, the assessment of its international course

© Дударев В.С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

from the point of view of the principles established at the Congress of Vienna and in the context of the foreign policy of the great powers in Europe. Special attention is paid to important dates in European history, which could become final for the functioning of the Vienna system.

Keywords: *system of international relations, Vienna Congress, legitimacy, balance of power, pentarchy, great powers, international congresses, Alexander I.*

Cite as: Dudarev V.S. Has the Vienna System of International Relations Become a System? *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 4, part 2, pp. 355–370. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-355-370

Важной функцией умственной деятельности человека является систематизация и обобщение, что в психологии рассматривается как один из процессов познания, состоящий в мысленном выделении и объединении общих признаков предметов и явлений, а некоторые исследователи полагают, что «систематизация, основанная на принципах тождества и различия, по своей фундаментальности стоит над всеми формами и законами познания, по сути, объединяя их в единое целое» [1, с. 452]. Желая систематизировать видимый мир, человек переносит эту умственную деятельность также на познание более сложных общественных форм как в пределах своего этноса, народа, нации, так и за пределами понимаемого и осознаваемого им как своего общества.

Попытки найти закономерность и упорядоченность суммы общественных взаимодействий, выходящих за границы отношений внутри одного общества и одного территориального образования, привели к объяснению истории международных отношений Нового и Новейшего времени с позиции формирования и развития больших систем, включающих глобальный, макро-, суб- и микро-уровни. Результатом этого стало выделение традиционных для отечественной и зарубежной историографии четырех крупных международных систем: Вестфальской, Венская, Версальско-Вашингтонской, Ялтинско-Потсдамской.

Второй важной особенностью, присущей подавляющему большинству исследований в области истории, международных отношений и политологии, посвященных международным отношениям, является изображение последовательности и преемственности международных систем. В такой картине международный процесс с момента подписания Вестфальского мира в 1648 г. непрерывно длится вплоть до 1945 г., когда возникла Ялтинско-Потсдамская система, в которой человечество формально живет в настоящее время, хотя эксперты спорят о том, насколько можно говорить о сохранении Ялтинско-Потсдамской системы после 1991 г. и как более точно охарактеризовать происходящие в современном мире уже не один год мощные глобальные изменения.

Если с началом функционирования международной системы, как правило, вопросов у историков не возникает (импульсной точкой для развития системы служит представительная встреча глав государств и дипломатов для рассмотрения ключевых вопросов широкой международной повестки после завершения военных конфликтов, радикально изменивших прежний характер международных отношений), то с датировкой периода завершения действия международной системы мнения экспертов разнятся.

Применительно к Венской системе международных отношений начальным событием служит Венский конгресс европейских государств, прошедший в сентябре 1814 г. — июне 1815 г. в столице Австрийской империи. А вот относительно завершения действия этой системы у историков имеются различные мнения, что во многом обусловлено тем, что, с одной стороны, за прошедшие сто лет произошли серьезные изменения в самой Европе, а с другой, произошло пространственно-экспоненциальное расширение системы с европейского уровня до мирового масштаба, поскольку накануне Первой мировой войны весь мир оказался поделенным преимущественно между европейскими державами на территории владения и сферы влияния.

Английский историк, специалист по истории международных отношений и европейской дипломатии XIX и XX вв. А.Дж.П. Тейлор признавал наличие Венской системы и доказывал ее функционирование с 1815 г. по 1914 г. [2].

Этой точке зрения противоречат взгляды американского исследователя Пола Шрёдера, который сомневался в возможности говорить о Венской системе международных отношений как таковой. Он полагал, что «Россия и Великобритания были решительно сильнее трех других — Франции, Австрии и Пруссии — настолько, что они доминировали на континенте и могли при желании навязать ему свою волю. Венская система, таким образом, не была системой равновесия, а опиралась на совместную гегемонию этих двух фланговых держав». Делая важный акцент на «равновесии» и «легитимности» в формате Венской системы, исследователь и пришел к выводу, что эти концепции «не имеют что-либо общее с балансом сил в его общепринятом понимании» [3, с. 1–19].

Некоторые исследователи, как, например, А. Дёринг-Мантойффель, с большой натяжкой доводят действие Венской системы до 1848 г. Отказываясь от распространенного в историографии представления о роли Наполеона III, Бисмарка и К. ди Кавура в сломе Венской системы, германский историк переносит ответственность за это на британского политика Г.Дж.Т. Пальмерстона. Он полагает, что Г.Дж.Т. Пальмерстон отказался от европейского порядка 1815 года, чтобы сделать первый шаг в эпоху “Realpolitik”. По мнению исследователя, Революции 1848–1849 гг. убедили Г.Дж.Т. Пальмерстона в том, что договоры 1815 г. устарели для сохранения «Европейского концерта» и стабилизации баланса сил и утверждения мира на континенте путем солидарности великих держав. Как считает А. Дёринг-Мантойффель, потеряв веру в европейский порядок, основанный на территориальном урегулировании 1815 г., Г.Дж.Т. Пальмерстон стремился к независимости от любой континентальной системы и проявлял легкомысленную готовность к радикальным территориальным пересмотрам [4].

На этом фоне существуют отечественные исследования, в которых высказываются предположения о том, что Венская система регламентировала международные отношения до Парижского конгресса 1856 г., когда ей на смену пришла Крымская система, существовавшая вплоть до завершения Франко-германской войны 1871 г. [5], а «Балканские войны 1912–1913 гг. стали началом конца системы, созданной Берлинским конгрессом» 1878 г., на котором были подведены итоги Русско-турецкой войны [6].

Такое многообразие выводов показывает, что различные исследователи по-разному решают для себя вопрос о том, как на новую после Венского конгресса 1815 г. Европу повлияли ключевые события истории XIX в. и начала XX в., произошедшие в 1820–1830 гг., 1848–1849 гг., 1856 г., 1871 г., 1878 г., 1914 г. В зависимости от влияния этих событий на судьбы Европы и Венскую систему, в частности, историки определяют фи-

нальную дату существования Венской системы. Такой разный подход демонстрирует, что в основе анализа Венской системы и международных отношений XIX в. в целом исследователи могут рассматривать разные принципы и параметры, изучение и сопоставление которых и приводит их к выводу об уровне прочности Венской системы, о ее способности отвечать на вызовы времени, а в конечном счете о том событии, которое сыграло решающую роль в демонтаже Венской системы.

Интересный взгляд на развитие международных отношений с точки зрения проблемы «ядро — периферия» представлен в двух статьях К.В. Миньяр-Белоручева [7; 8]. Под ядром подразумевается системообразующий центр в образе европейской пентархии, клуба пяти великих держав (Российской империи, Великобритании, Франции, Австрии и Пруссии), от которых напрямую зависело решение ключевых вопросов европейской повестки дня. Применительно к XIX в. автор утверждает, что «происходят два раунда расширения общесистемного ядра и изменения его конфигурации, первый из которых пришелся на 1850 — начало 1870-х гг. (объединение Германии и Италии, внутреннее переустройство Австрийской монархии), второй — на рубеж XIX–XX вв. (вхождение в ядро двух неевропейских держав (США и Японии), представлявших периферийные подсистемы)».

В этой связи кажется важной проблема эластичности общесистемного ядра. Территориальное расширение государства (Германская империя из Прусского королевства) или трансформация государственных основ (Австро-Венгрия из Австрийской империи), очевидно, не меняет количество участников центрального ядра системы, вследствие чего можно говорить о сохранении системы, если рассматривать ее с точки зрения «ядро — периферия». Гораздо сложнее в этой связи ответить на вопрос о состоянии ядра Венской системы, рассматривая Королевство Италия. Образование этого государства фактически не вносило изменение в структуру «ядро — периферия» Венской системы, учитывая внутривнутриполитическую слабость королевства и его пассивность в международных делах. Сам факт объединения не означал автоматического включения этого государства в состав общесистемного ядра. Так, Испания, Португалия, Дания к XIX в. имели традицию национального суверенитета, но в состав пентархии они не входили и сколь-нибудь весомого значения в решении общеевропейских вопросов они не имели. Однако постепенная активизация внешней политики Италии в Европе, особенно в колониальном вопросе во второй половине XIX в., не свидетельствовал ли о включении новой единицы в состав общесистемного ядра? И что в таком случае происходило с ядром и полностью зависящей от него Венской системой?

В этой связи представляется, что для оценки функционирования системы основополагающее значение приобретает анализ именно ядерных сил, которые отвечают за состояние ядра, признаваемого определяющим состоянием, основные параметры системы.

Интересно, что с точки зрения квантовой физики с увеличением массы и размера ядра кулоновское отталкивание приводит к уникальному явлению: спонтанному делению ядра. Таким образом, включение новых государств Европы и других регионов мира в состав общесистемного ядра должен был сопровождаться дестабилизацией и последующим разрывом общесистемного ядра.

Применительно к анализу международной системы с точки зрения взаимосвязи «ядро — периферия» ядерный распад, разрушающий все предыдущие связи как внутри ядра, так и в системе «ядро — периферия», можно сравнить с формированием нового

порядка вещей после дестабилизации, разрыва и пересборки системы международных отношений.

Ядерный распад происходит не мгновенно и является следствием предшествующего периода дестабилизации ядра.

В статье К.В. Миньяр-Белоручев утверждает, что в условиях Венской системы «состав общесистемного ядра и ядра центральной подсистемы полностью совпадал» [там же]. Следовательно, включение Италии в состав европейских великих держав должен был привести к дестабилизации и распаду как ядра центральной подсистемы, так и общесистемного ядра.

Тем более, что прежнее общесистемное ядро Венской системы, которая «накануне Первой мировой войны <...> охватывала весь мир», не могло остаться без внешних изменений после того, как «победа над Испанией в 1898 г. ознаменовала вхождение США в общесистемное ядро», а «успех в русско-японской войне означал включение Японии в общесистемное ядро» [там же].

С учетом увеличения удельного веса общесистемного ядра Венской системы за счет Италии, не говоря уже о таких мощных региональных лидерах, коими к концу XIX столетия стали США и Япония, можно ли говорить о сохранении ядра и самой Венской системы вплоть до Первой мировой войны? Или она переживала трансформацию за счет происходивших внутри ее общесистемного центра изменений? Возможно, происходило формирование, зарождение нечто нового для международных отношений XIX в.?

Согласно «Большой российской энциклопедии», «система (греч. σύστημα, позднелат. *systema*, буквально — состав, от συνίστημι — составлять, ставить вместе; лат. *compositio*), совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» [9].

В данном определении, однако, отсутствует или слабо выражен важный характерный признак системы: наличие регламентирующих норм и правил, упорядочивающих эту самую совокупность элементов, которые без такой регламентации, структурирующих систему, определяющих ее принципы, превращаются в хаотичный набор элементов. Анализ такого структурирования как раз и дает возможность более подробного описания ядерных сил, действующих в общесистемном ядре, если рассматривать международные отношения XIX в. в связи «ядро — периферия».

Рассмотрение Венской системы через призму основных характеристик системы и принципов системного подхода [там же] дает неоднозначные результаты.

При оценке *целостности* Венской системы с точки зрения «принципиальной несводимости свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимости из последних свойств целого» можно говорить о соответствии Венской системы данному критерию. Также на исторических примерах и событиях европейской истории подтверждается «зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т. д. внутри целого».

Характеризуя *структурность*, описание Венской системы через «установление ее структуры, т. е. сети связей и отношений», еще представляется возможным, однако с «обусловленностью поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры» уже возникают вопросы, поскольку зачастую именно особое мнение отдельных великих держав оказывало решающее значение

на судьбу отдельных европейских вопросов, как, например, особая позиция Великобритании при обсуждении российских инициатив по созданию «европейского содружества государств» [10, с. 433] после разгрома Наполеона или категорическая позиция Прусского королевства [11, с. 72–73; 12, с. 512] во главе Северогерманского союза по недопущению решения германского вопроса по результатам Франко-германской войны 1870–1871 гг. на общеевропейском конгрессе [13, с. 78; 14, с. 216].

Взаимозависимость системы и среды, при которой «система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим компонентом взаимодействия», также может быть обнаружена при рассмотрении Венской системы, особенно во второй половине XIX в. в условиях пространственно-экспоненциального расширения системы с европейского уровня до мирового масштаба.

Несколько сложно решить вопрос с *иерархичностью* Венской системы, при которой «каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы». С одной стороны, при таком подходе едва ли каждое государство можно рассматривать как определенную международную систему. Вместе с тем, с другой стороны, в Венской системе присутствовала иерархичность как на уровне участников системы (государства делились по рангам на великие державы, пентархии и второстепенные государства Европы), так и на пространственном уровне, особенно во второй половине XIX в. (система англо-франко-германских противоречий в Северной Африке, британо-российская «Большая игра» в Азии, запутанный восточный вопрос, в котором причудливым образом были переплетены интересы всех европейских держав, и проч.).

Венская система внешне соответствует характеристике *множественности описания каждой системы*, при которой «адекватное познание системы требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы».

Несмотря на внешнее соответствие принципов Венской системы таким характеристикам системы и принципам системного подхода, важной является оценка действительности Венской системы, ее эффективности, способности справиться с внутренними кризисами и внешними угрозами в соответствии с заложенными в ней принципами, целями и задачами функционирования. Это напрямую связано с оценкой жизнеспособности Венской системы и помогает определению ключевой вехи в истории международных отношений, свидетельствующей о завершении действия системы.

Была ли в Вене заложена некая международная система? Стояла ли такая задача перед авторами Заключительного акта Венского конгресса?

Справедливым кажется утверждение известного российского дореволюционного историка С.М. Соловьева: «Европа после революционных бурь и военных погромов требовала прежде всего мира, спокойного улажения хотя на первое время всего перевернутого, переломанного во время этих бурь и погромов» [15, с. 560]. Ключевой задачей участников конгресса являлось наведение порядка в Европе после сокрушительного самоуправства Наполеона на континенте и соблюдение в Европе на первое время мира, достаточного для стабилизации внутривосточного развития и общественных отношений.

Традиционным стало представление о том, что Венская система базировалась на трех основных китах: соблюдении баланса сил, поддерживаемого концертом «великих

держав», возвращении к старым, дореволюционным порядкам в Европе (реставрация) и соблюдении прав законных правящих династий (легитимизм). Позволяют ли события истории XIX в., а не стремление из нашего времени привести международные отношения к четкой структуре сменяющихся систем, говорить о том, что Венская система просуществовала с 1815 г. вплоть до 1914 г.? Ответ при всей кажущейся легкости довольно сложен.

Еще до революционных событий во Франции великие державы стремились к реализации своих национальных задач, поэтому возвышенные представления о соблюдении принципа баланса сил и равновесия как самоцели едва ли будет справедливым приписывать дипломатии европейских государств. И этот вектор никуда не исчез из европейской повестки вместе с решениями Венского конгресса 1815 г. Решал ли он между европейскими государствами вопрос о мире как о состоянии отсутствия войны? Отвечая на этот вопрос, можно привести в пример секретный договор 3 января 1815 г., подписанный в период активной работы Венского конгресса между Францией, Австрией и Англией, о союзе против России и Пруссии вплоть до войны, чтобы помешать полному присоединению Саксонии к Пруссии и Польши к России.

В 1857 г. прусский представитель при Союзном сейме Германского союза О. фон Бисмарк выражал сомнение в том, «чтобы до Французской революции какой-либо государственный деятель, даже самый христианский и совестливый, думал о том, чтобы подчинить все свои политические усилия, свое поведение во внешней и внутренней политике принципу «борьбы с революцией» и проверять отношения своей страны с другими только по этому критерию» [16, с. 177]. Едва ли можно было опровергнуть это утверждение и после завершения эпохи революционных потрясений Европы начала XIX в.

Исключением из этих государств-участников пентархии является Российская империя, которая после свержения Наполеона I и вплоть до начала 1820-х гг. постоянно выступала сторонницей укрепления мира в Европе сначала посредством крепкого союза с Великобританией [17, с. 138–151], а затем на основании европейского «всеобщего союза», «содружества европейских государств» [10, с. 409–433], идеологической базой для которых должен был стать созданный в 1815 г. Священный союз, к которому присоединились все европейские державы за исключением Великобритании, Папского престола и Османской империи.

Последовательно отстаивая российский вариант укрепления безопасности в Европе после завершения антинаполеоновских войн, Александр I «доказывал, что в основании всех международных отношений лежит после 1815 года акт Священного союза, соединивший все европейские народы в одну общую семью» [18, с. 292–293]. Он сохранял убежденность в жизнеспособности единой семьи европейских народов, отстаивал идею «прогресса всеобщего мира, которым наслаждается Европа» [19].

Встретил ли должный отклик план российского императора в кабинетах европейских великих держав? Напротив, он встретил отказ, прежде всего, Великобритании и Австрии, которых поддержала Франция, и молчаливую нерешительность Пруссии. Изучая протоколы Аахенского конгресса, первого из последовавших после 1815 г. конгрессов европейских великих держав, становится очевидным, что одержала верх не попытка петербургского кабинета сделать шаг в сторону создания «европейской системы» [20, с. 405; 21, с. 222] на основе коллективного участия европейских государств в решении международных вопросов, а позиция австрийского государственного канцлера

К. фон Меттерниха, при которой «четыре великие державы решали безапелляционным образом все главнейшие вопросы» [18, с. 294]. Его поддерживал и британский министр иностранных дел лорд Р.С. Каслри, доказывавший, что «участие этих (прочих европейских. — В.Д.) государств уменьшит моральное действие собраний» [там же, с. 296].

В качестве альтернативы планам Петербурга был предложен антинаполеоновский Четверной союз, представители которого провели в 1818–1832 гг. несколько конгрессов. Следует обратить внимание на то, что это были не конгрессы Священного союза, как это часто утверждается в историографии [21; 22], но конгрессы представителей европейских держав. Кроме того, что в этих конгрессах принимали участие лишь несколько из вступивших в Священный союз держав, а также Великобритания, которая отказалась вступать в Священный союз, даже изучение протоколов конгрессов в Аахене 1818 г., Троппау 1820 г., Лайбахе 1821 г., Вероне 1822 г. [23] показывает, что они не содержали отсылок на Священный союз, но исключительно отсылки к решениям четырех — Англия, Россия, Австрия, Пруссия — держав, а после включения (во многом по инициативе России) в «Европейский концерт» Франции 15 ноября 1818 г. — пяти европейских государств, той самой европейской пентархии. Даже современник тех событий К. фон Меттерних свидетельствовал: «Между кабинетами никогда не было и не могло быть никакого вопроса о «Священном союзе» <...> Он был исключительно выражением мистических чувств императора Александра и применением христианских принципов к политике <...> Никто лучше меня не знает всего, что касается этого «пустого и звучного» памятника» [24, с. 211–212].

Важной задачей периода после 1815 г. европейские монархи считали сохранение мира и недопущение очередных революционных потрясений в Европе [10, с. 432].

На конгрессах в Троппау (1820) и Лайбахе (1821) обсуждалась борьба с революцией в Португалии и Королевстве обеих Сицилий, а на конгрессе 1822 г. в Вероне рассматривались вопросы о подавлении Испанской революции, независимости государств Латинской Америки и положении дел в итальянских государствах. Законная монархия в Королевстве обеих Сицилий и в Испании была восстановлена силовым путем при посредничестве австрийских и французских войск.

В ходе международных встреч великим державам пока удавалось достигать консолидированные решения, а курс на сохранение территориальной целостности европейских государств и установленных Венским конгрессом границ, легитимности, казалось, был в действии. Однако усомниться в этом позволяют события 1820–1830-х гг., когда в Греции, Бельгии и Франции произошли революции, а идеи общего мира на континенте в политике великих держав стали уступать место достижению национальных интересов.

Признание Греческого королевства и Королевства Бельгия на трех конференциях в Лондоне (1830–1832), с одной стороны, можно рассматривать как механизм Венской системы в действии. Столкновение интересов Англии, Франции, Австрии и Нидерландов в бельгийском вопросе и интересов Англии, Франции, России и Турции в греческом вопросе могло привести к войне в Европе. Урегулирование этих территориальных изменений дипломатическим путем доказывало возможность достижения соперниками компромиссов.

Однако попытка взглянуть на ситуацию с формальной стороны представляет иную картину. Подписание Лондонской конвенции в 1827 г. представителями Великобритании, Франции и России полностью противоречило духу конгрессов 1818–1822 гг.

Становясь на сторону греческих революционеров вплоть до решительных военных действий, европейские державы фактически выступали против законной власти османского султана. Это разительно отличалось от поддержки законной власти Бурбонов в Королевстве обеих Сицилий и в Испании в 1820–1823 гг. Подписание Великобританией, Францией и Россией Лондонского протокола 1830 г., в котором признавалась независимость Греческого королевства и назначение нового правителя в Греции извне, противоречило политике сохранения территориальной целостности государств и политике легитимизма — основам Венской системы.

Здесь можно, конечно, поспорить о том, что Османская империя официально не участвовала в работе Венского конгресса, поэтому на нее могли не действовать принципы Венской системы. Но как же с общими принципами, которыми должны были руководствоваться великие державы в международных делах, коль скоро Венская система была в действии?

Если греческий вопрос позволяет такую двойственную оценку, то в бельгийском вопросе это уже не работает. Отделение фламандской и валлонской частей Объединенного королевства Нидерландов в 1830 г. противоречило постановлениям Венского конгресса. Власть законной династии Оранских-Нассау нарушалась, изменялся также и баланс сил в северо-западной части Европы. Мало того, что пять великих держав выступили на Лондонской конференции 1830 г. за провозглашение независимости Бельгии [25, с. 240], они не поддержали нидерландского короля Виллема I, когда тот заявил о своем несогласии с постановлениями Лондонского протокола 1830 г. На ввод в южные провинции нидерландских войск для восстановления законной власти Виллема I Франция, не информируя остальные европейские державы, ответила введением в Бельгию войск маршала Э.-М. Жерара. Примечательно, что рекомендация о выведении войск из Бельгии была дана законному королю Виллему I [26]. Спустя почти десятилетие несогласия Нидерландов с происходившими в Бельгии незаконными событиями новая расстановка сил была утверждена в Лондонском договоре 1839 г. [27].

На фоне событий в Греции и Бельгии теряется порой из виду вопрос о возможности Венской системы отреагировать на Июльскую революцию 1830 г. во Франции, в результате которой был свергнут французский легитимный король Карл X Бурбон и установлена конституционная монархия «короля-гражданина» Луи Филиппа I, а также рост радикальных реваншистских настроений французов [28], яркой демонстрацией которых стало перенесение останков Наполеона I в декабре 1840 г.

Эти события свидетельствуют о заинтересованности западных европейских держав в реализации собственных национальных целей и задач под прикрытием Венской системы международных отношений. Более открытой демонстрации такой политики мешала лишь одна европейская великая держава — Российская империя, верная решениям Венского конгресса в международных делах. Однако Европу не устраивали ни планы Александра I по созданию «содружества европейских государств», ни политика Николая I, который «отстаивал принципы абсолютной монархии, <...> стоял за незыблемость территориальных границ в Европе, утвержденных решениями Венского конгресса, более всего заботясь о спокойствии собственного государства» [39, с. 193–194]. В общественном мнении Европы такая политика России оценивалась не как стремление к сохранению мира на континенте, но как желание установить гегемонию на континенте [30, с. 70–71; 31, с. 78].

Ослабить такой барьер и устранить его хотя бы на время из европейских международных дел коалиция европейских государств попыталась в ходе Крымской войны. «Крымская война велась ради Европы, а не ради восточного вопроса; она велась против России, а не в пользу Турции <...>. Каким бы ни являлось происхождение войны, по сути она была вторжением западных стран в Россию» [2, с. 61, 82], — писал известный британский историк А. Тейлор. Это было первое за почти 40 лет вооруженное противостояние между великими державами, призванными традицией Венского конгресса и духом последовавших конгрессов европейских держав совместно и коллективно решать актуальные вопросы международных отношений. Стояла ли перед западно-европейскими державами задача мирного разрешения конфликта, как призывала к тому традиция предшествовавшей этим событиям европейской дипломатии после 1815 г.? Об эскалации конфликта Англией и заинтересованности со стороны ее политического руководства в скорейшем начале боевых действий против России, равно как и о желании Франции и Австрии сломить влияние России в Европе прекрасно написал в своем фундаментальном исследовании Е.В. Тарле [32].

Разве это характеризует Венскую систему с точки зрения системности? Это, наоборот, подтверждает высказанную ранее в статье мысль о преследовании европейскими государствами собственных национальных интересов практически сразу после 1815 г.

Поражение России в Крымской войне против объединенной Европы как будто сняло последний барьер перед реализацией вынашиваемой кабинетами великих держав политикой наведения нового порядка в Европе. Буквально через три года после Парижского конгресса между Францией, Австрией и Сардинией началась война, развитие которой угрожало втягиванием Пруссии и России. В результате войны Ломбардия, Ницца и Савойя стали разменными картами в расчетах участвовавших в войне государств.

Разве не нарушало принципы Венской системы лишение престолов законных правителей итальянских государств и последующее объединение их в Королевстве Италия в ходе итальянского Рисорджименто? При этом общеевропейского конгресса, на котором обсуждались бы эти вопросы, не последовало.

Разве подавление польских беспорядков Россией в 1863–1864 гг. не являлось внутренним вопросом России и не соответствовало ли оно духу конгрессов европейских держав в Троппау (1820), Лайбахе (1821) и Вероне (1822), давших Австрии и Франции полномочия на введение своих войск в независимые государства Королевство обеих Сицилий и Испанию для наведения порядка? А теперь те же Франция, Австрия и подержавшая их Англия выступали по какой-то причине за нарушение территориальной целостности Российской империи в поддержку польских повстанцев, требовавших восстановления независимой Польши.

Разве в духе традиции Венского конгресса было отторжение у Дании приэльбских герцогств Шлезвиг и Гольштейн Австрией и Пруссией в ходе войны 1864 г. по искусно сформулированному ими предлогу крестового похода за права угнетаемого Данией немецкого населения спорных герцогств? При этом общеевропейского конгресса, на котором обсуждались бы эти вопросы, также не последовало.

Разве в духе традиции Венского конгресса была ликвидация независимости средних и мелких германских государств Пруссией во второй половине 1860-х гг. с последующим их включением первоначально в искусственное объединение Северогерманский союз, а затем в Германскую империю в 1871 г.?

Встав на путь реализации своей национальной задачи, Пруссия фактически снесла все преграды на пути полного реформирования европейских международных отношений. События 1866 г. переводили и без того иллюзорную систему баланса сил на континенте в неравновесное состояние, из которого должен был возникнуть новый порядок. «Московские ведомости» писали: «Прежнее международное право утратило силу; старые нормы пали; все отношения изменились; все колеблется и чувствует себя в состоянии переходном» [33, с. 2]. Дальнейшая дестабилизация призрака Венской системы угрожала углублением противоречий и актуализацией проблем, одни из которых не были решены еще в 1815 г., а другие уже успели возникнуть за прошедшие со времени заседания Венского конгресса полстолетия.

Само создание этих государств свидетельствовало о завершении процесса сноса Венской системы, поскольку свержение законных правителей, ликвидация через поглощение Берлином и Флоренцией признанных на Венском конгрессе государств и образование двух новых государств в Центре и на юге Европы произошло без всякого общеевропейского конгресса с молчаливого попустительства всех великих держав. Никем не услышанным эхом стала выдвинутая Российской империей осенью 1870 г. идея создания Лиги независимых государств для решения судьбы германского вопроса.

Таким же никем не услышанным эхом осталась созданная двумя годами ранее по инициативе российского правительства и начавшаяся в Петербурге в середине октября 1868 г. международная военная комиссия, посвященная обсуждению разработки законов войны и возможному исключению варварских методов ведения войн. А.М. Горчаков с воодушевлением писал Э.Г. Штакельбергу в Париж, что «почти все великие державы, даже Англия, посылают представителей на военную конференцию» [34, с. 153]. Петербург приглашал даже депутации «государств второго порядка» [35, с. 154]. В итоге в состав комиссии вошли представители правительств 18 европейских государств (на конференции были представлены следующие государства: Австро-Венгрия, Бавария, Бельгия, Великобритания, Вюртемберг, Греция, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Османская империя, Персия, Португалия, Россия, Северогерманский союз, Франция, Швейцария, Швеция). Однако большие ожидания Петербурга не оправдались. Англия выступила за сохранение за воюющими сторонами неограниченной свободы в выборе средств борьбы, что оказало влияние на итоговую декларацию, отличавшуюся от задуманного масштаба.

Европа в эпоху сотканной и запутанной О. фон Бисмарком системы союзов была далека от тех принципов, которые декларировали участники Венского конгресса. Многосложность такого «кошмара коалиций» была таковой, что с устранением с политической сцены ее главного творца новое политическое руководство Германии было не в состоянии сохранять исчезающую грань между состоянием мира и войны в Европе. Было не в состоянии, да и не хотело. Следствием разрыва со старым порядком в условиях «Нового курса» в Германии стало неосторожное поведение Вильгельма II среди хрупких связей и нитей европейской дипломатии. Германская империя как неуклюжий слон в посудной лавке трубила о своем поиске «места под Солнцем», которое в итоге на долгих четыре года заволкли клубы дыма с полей Первой мировой войны.

У Венской системы был шанс стать системой, в которой присутствует самый главный критерий: наличие регламентирующих норм и правил, упорядочивающих

эту самую совокупность элементов, которые без такой регламентации, структурирующих систему, определяющих ее принципы, превращаются в хаотичный набор элементов. Развитию системности Венской системы могла бы послужить реализация неоднократно предлагаемой Петербургом в годы правления Александра I идеи «всеобщего европейского союза», «содружества европейских государств». Однако Европе это оказалось ненужным.

Если события 1820–1830-х гг. нанесли удар по духу Венской системы, то Крымская война ударила по душе Венской системы, а объединение Италии и Германии — по ее телу.

Основу Венской системы, как и Вестфальской до нее, составляли великие державы. Помимо сохранения основного критерия причисления страны к клубу «великих» (военной мощи), в первой половине XIX в. появился новый критерий — наличие «великой» экономики, а во второй половине XIX в. — решение национального вопроса, что привело к включению в состав великих держав Германской империи и Королевства Италия. За считанные десятилетия заложенные в Вене принципы изменились в самой своей основе, даже с точки зрения состава участников: из «пентархии» она превратилась в «гексархию», вес и статус отдельных держав претерпевал быстрые изменения. Появление же в роли великих держав США и Японии наглядным образом продемонстрировало бессилие Венской системы выполнить свою главную функцию организации взаимоотношений между великими державами, и что глобализация международных отношений привела их на порог нового качества: возникновения мировой системы.

Традиция Венского конгресса в международных отношениях претерпела значительную эволюцию, почти до неузнаваемости изменившую ее облик и приведшую в итоге к тяжелому кризису, заключительным аккордом которого стала Первая мировая война. Созданный в 1815 году порядок международных отношений с течением времени непрерывно менялся, модифицировался до тех пор, пока уже во второй половине XIX в. не пришел в противоречие с заявленными в Вене принципами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Омельченко, В.В.* Основы систематизации: методология и философские аспекты; принципы и законы познания реальной действительности. М.: Либроком, 2012. 480 с.
2. *Taylor, A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe. 1848–1918. Oxford: Oxford University Press, 1954. 638 p.
3. *Schroeder, Paul W.* Systems, Stability, and Statecraft: Essays on the International History of Modern Europe. New York: Palgrave, 2004. 362 p.
4. *Doering-Manteuffel, A.* Vom Wiener Kongress zur Pariser Konferenz. England, die deutsche Frage und das Mächtesystem 1815–1856. Göttingen/Zürich: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. 351 p.
5. *Хевролина, В.М.* Российская дипломатия в рамках Крымской системы // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 107–126.
6. *Рыбаченок, И.С.* Россия и Берлинский конгресс 1878 года // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 142–168.
7. *Миньяр-Белоручев, К.В.* Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // Новая и Новейшая история. 2019. Вып. 6. С. 5–18. URL: <https://nni.jes.su/s013038640007606-4-1/> (дата обращения: 15.11.2024).

8. *Миньяр-Белоручев, К.В.* Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и Новейшая история. 2020. Вып. 4. С. 5–20. URL: <https://nni.jes.su/s013038640010320-0-1/> (дата обращения: 15.11.2024).
9. Система. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7> (дата обращения: 15.11.2024).
10. Доклад министерства иностранных дел Александру I. 24 июня (6 июля) 1818 г. // Внешняя политика России. Серия 2. Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1976. 904 с.
11. *Бисмарк, Отто фон.* Воспоминания, мемуары. Т. 2. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. 560 с.
12. Bismarck an Prinzen Reuß. 15. VIII. 1870 // Otto von Bismarck. Werke in Auswahl. Acht Bände — Jahrbundertausgabe zum 23. September 1862: 8 Bände in 9 Büchern. Bd. 4: Die Reichsgründung. Zweiter Teil: 1866–1871. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. 674 p.
13. Prinz Reuß an Bismarck. 7. VIII. 1870 // Rheindorf K. Die Schwarze-Meer-(Pontus-) Frage vom Pariser Frieden von 1856 bis zum Abschluß der Londoner Konferenz von 1871: ein Beitrag zu den orientalischen Fragen und zur Politik der Großmächte im Zeitalter Bismarcks. Berlin: Dt. Verl.-Ges. für Politik und Geschichte, 1925. 176 p.
14. Горчаков — Бруннову. 8/20. VIII. 1870 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1452.
15. *Соловьев, С.М.* Император Александр Первый. Политика — Дипломатия. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1877. 563 с.
16. *Bismarck, O. von.* Gedanken und Erinnerungen. Erster Band. Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1898. 311 p.
17. Александр I — Н.Н. Новосильцеву. 11 (23) сентября 1804 // Внешняя политика России. Серия 1. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 744 с.
18. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VII. Трактаты с Германией. 1811–1824. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1885. 440 с.
19. Protokoll der 11. Sitzung des Kongresses von Aachen // Mächtekongresse 1818–1822, hrsg. von Karin Schneider unter Mitarbeit von Stephan Kurz. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, Institut für Neuzeit- und Zeitgeschichtsforschung, 2018. URL: https://maechtekongresse.acdh.oeaw.ac.at/Aachen_Prot_11.html (дата обращения: 04.11.2024).
20. Инструктивная записка посланнику в Риме А.Я. Италинскому 15 (27) января 1817 г. // Внешняя политика России. Серия 2. Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1976. 904 с.
21. История дипломатии. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. 896 с.
22. *Айранетов, О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М.: Европа, 2006. 672 с.
23. Mächtekongresse 1818–1822, hrsg. von Karin Schneider unter Mitarbeit von Stephan Kurz. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, Institut für Neuzeit- und Zeitgeschichtsforschung, 2018. URL: <https://maechtekongresse.acdh.oeaw.ac.at/> (дата обращения: 16.11.2024).
24. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état. Première partie: depuis la naissance de Metternich jusqu'au Congrès de Vienne (1773–1815). Tome Premier. Paris: E. Plon et C, IMPRIMEURS-EDITEURS, 1880. 372 p.
25. *Fishman, J.S.* Diplomacy and Revolution: The London Conference of 1830 and the Belgian Revolt. Amsterdam: CHEV, 1988. 240 p.
26. *Trevelyan, G.M.* British History in the 19th Century. London: Kessinger Publishing, 1922. 444 p.

27. *Abbenhuis, M.M.* A Most Useful Tool for Diplomacy and Statecraft: Neutrality and Europe in the ‘Long’ Nineteenth Century, 1815–1914 // *The International History Review*. 2013. Vol. 35. No. 1. P. 1–22.
28. *Таньшина, Н.П.* Венская система и венские соглашения: взгляд из Франции // *Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события*. 2017. № 4 (97). С. 61–76.
29. *Киняпина, Н.С.* Внешняя политика Николая I // *Новая и новейшая история*. 2001. № 1. С. 192–210.
30. *Киссинджер, Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
31. Rückwärts // *Kladderadatsch*. 1851. No. 20. 18. V. P. 78.
32. *Тарле, Е.В.* Крымская война. В 2 тт. М. — Л., 1941–1944.
33. *Московские ведомости*. 29 апреля 1867. № 93. С. 2.
34. Горчаков — Штакельбергу. 4/16. X. 1868 // *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1447. С. 153.
35. Горчаков — Иксюлю. 4/16. X. 1868 // *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1447. С. 154.
36. Циркуляр министерства иностранных дел российским дипломатическим представителям за границей 3 (15) января 1820 // *Внешняя политика России*. Серия 2. Т. 3. М.: Наука, 1979. 879 с.

REFERENCES

1. Omelchenko, V.V. *Osnovy sistematizacii: metodologiya i filosofskie aspekty; principy i zakony poznaniya realnoj dejstvitel'nosti* [Fundamentals of Systematization: Methodology and Philosophical Aspects; Principles and Laws of Cognition of Reality]. Moscow, Librokom, 2012, 480 p. (in Russ.)
2. Taylor, A.J.P. *The Struggle for Mastery in Europe. 1848–1918*. Oxford, Oxford University Press, 1954, 638 p.
3. Schroeder, Paul W. *Systems, Stability, and Statecraft: Essays on the International History of Modern Europe*. New York, Palgrave, 2004, 362 p.
4. Doering-Manteuffel, A. *Vom Wiener Kongress zur Pariser Konferenz. England, die deutsche Frage und das Mächtesystem 1815–1856*. Göttingen/Zürich, Vandenhoeck & Ruprecht, 1991, 351 p.
5. Hevrolina, V.M. Rossijskaya diplomatiya v ramkah Krymskoj sistemy [Russian Diplomacy within the Framework of the Crimean System], *Novaya i novejšhaya istoriya = New and Modern History*, 2014, No. 4, pp. 107–126. (in Russ.)
6. Rybachenok, I.S. Rossiya i Berlinskij kongress 1878 goda [Russia and the Berlin Congress of 1878], *Novaya i novejšhaya istoriya = New and Modern History*, 2018, No. 3, pp. 142–168. (in Russ.)
7. Minyar-Beloručev, K.V. Yadro i periferiya sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij: harakter vzaimodejstviya [The Core and Periphery of the System of International Relations: The Nature of Interaction], *Novaya i Novejšhaya istoriya = New and Modern History*, 2019, iss. 6, pp. 5–18. Available at: <https://nni.jes.su/s013038640007606-4-1/> (accessed: 15.11.2024). (in Russ.)
8. Minyar-Beloručev, K.V. Vzaimodejstvie yadra i periferii sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij v istoricheskom aspekte [Interaction of the Core and Periphery of the System of International Relations in the Historical Aspect], *Novaya i Novejšhaya istoriya = New and Modern History*, 2020, iss. 4, pp. 5–20. Available at: <https://nni.jes.su/s013038640010320-0-1/> (accessed: 15.11.2024). (in Russ.)

9. *Sistema. Bolshaya rossijskaya enciklopediya* [The System. The Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7> (accessed: 15.11.2024). (in Russ.)
10. Doklad ministerstva inostrannyh del Aleksandru I. 24 iyunya (6 iyulya) 1818 g. [Report of the Ministry of Foreign Affairs to Alexander I. June 24 (July 6), 1818]. In: *Vneshnyaya politika Rossii. Seriya 2. T. 2* [Foreign Policy of Russia, Series 2, vol. 2]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1976, 904 p. (in Russ.)
11. Bismark, Otto fon. *Vospominaniya, memuary. T. 2* [Memories, Memoirs, vol. 2]. Moscow, AST, Minsk, Harvest, 2002, 560 p. (in Russ.)
12. Bismarck an Prinzen Reuß. 15. VIII. 1870. *Otto von Bismarck. Werke in Auswahl. Acht Bände — Jahrhundertausgabe zum 23. September 1862: 8 Bände in 9 Büchern. Bd. 4: Die Reichsgründung. Zweiter Teil: 1866–1871*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968, 674 p.
13. Prinz Reuß an Bismarck. 7. VIII. 1870. *Rheindorf K. Die Schwarze-Meer-(Pontus-) Frage vom Pariser Frieden von 1856 bis zum Abschluß der Londoner Konferenz von 1871: ein Beitrag zu den orientalischen Fragen und zur Politik der Großmächte im Zeitalter Bismarcks*. Berlin, Dt. Verl.-Ges. für Politik und Geschichte, 1925, 176 p.
14. Gorchakov — Brunnovu. 8/20. VIII. 1870 [Gorchakov — Brunnov. 8/20. VIII. 1870]. *The State Archive of the Russian Federation*, fund 828, inventory 1, file 1452. (in Russ.)
15. Solovev, S.M. *Imperator Aleksandr Pervyj. Politika — Diplomatija* [Emperor Alexander the First. Politics is Diplomacy]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1877, 563 p. (in Russ.)
16. Bismarck, O. von. *Gedanken und Erinnerungen. Erster Band*. Stuttgart, Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1898, 311 p.
17. Aleksandr I — N.N. Novosilcevu. 11 (23) sentyabrya 1804 [Alexander I — N.N. Novosiltsev. September 11 (23), 1804]. In: *Vneshnyaya politika Rossii. Seriya 1. T. 2* [Russian Foreign Policy, Series 1, vol. 2]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1961, 744 p. (in Russ.)
18. *Sobranie Traktatov i Konvencij, zaklyuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. T. VII. Traktaty s Germaniej. 1811–1824* [Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers, vol. VII. Treatises with Germany, 1811–1824]. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya, 1885, 440 p. (in Russ.)
19. Protokoll der 11. Sitzung des Kongresses von Aachen. *Mächtekongresse 1818–1822, hrsg. von Karin Schneider unter Mitarbeit von Stephan Kurz*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Institut für Neuzeit- und Zeitgeschichtsforschung, 2018. Available at: https://maechtekongresse.acdh.oeaw.ac.at/Aachen_Prot_11.html (accessed: 04.11.2024).
20. Instruktivnaya zapiska poslanniku v Rime A.Ya. Italinskomu 15 (27) yanvarya 1817 g. [Instructive Note to the Envoy in Rome A.Ya. Italinsky on January 15 (27), 1817]. In: *Vneshnyaya politika Rossii. Seriya 2. T. 2* [Foreign Policy of Russia, Series 2, vol. 2]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1976, 904 p. (in Russ.)
21. *Istoriya diplomatii. T. 1* [The History of Diplomacy, vol. 1]. Moscow, Gospolitizdat, 1959, 896 p. (in Russ.)
22. Ajrapetov, O.R. *Vneshnyaya politika Rossijskoj imperii 1801–1914* [Foreign Policy of the Russian Empire 1801–1914]. Moscow, Evropa, 2006, 672 p. (in Russ.)
23. *Mächtekongresse 1818–1822, hrsg. von Karin Schneider unter Mitarbeit von Stephan Kurz*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Institut für Neuzeit- und Zeitgeschichtsforschung, 2018. URL: <https://maechtekongresse.acdh.oeaw.ac.at/> (accessed: 16.11.2024).

24. *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état. Première partie: depuis la naissance de Metternich jusqu'au Congrès de Vienne (1773–1815). Tome Premier.* Paris, E. Plon et C, IMPRIMEURS-EDITEURS, 1880, 372 p.
25. Fishman, J.S. *Diplomacy and Revolution: The London Conference of 1830 and the Belgian Revolt.* Amsterdam, CHEV, 1988, 240 p.
26. Trevelyan, G.M. *British History in the 19th Century.* London, Kessinger Publishing, 1922, 444 p.
27. Abbenhuis, M.M. A Most Useful Tool for Diplomacy and Statecraft: Neutrality and Europe in the 'Long' Nineteenth Century, 1815–1914, *The International History Review*, 2013, vol. 35, No. 1, pp. 1–22.
28. Tanshina, N.P. Venskaya sistema i venskie soglasheniya: vzglyad iz Francii [The Vienna System and the Vienna Agreements: A View from France], *Rossiya i sovremenniy mir: problemy, mneniya, diskussii, sobytiya* = Russia and the Modern World: Problems, Opinions, Discussions, Events, 2017, No. 4 (97), pp. 61–76. (in Russ.)
29. Kinyapina, N.S. Vneshnyaya politika Nikolaya I [Foreign Policy of Nicholas I], *Novaya i novejschaya istoriya* = New and Modern History, 2001, No. 1, pp. 192–210. (in Russ.)
30. Kissindzher, G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Ladimir, 1997, 848 p. (in Russ.)
31. Rückwärts, *Kladderadatsch*, 1851, No. 20, 18, V, P. 78.
32. Tarle, E.V. *Krymskaya vojna. V 2 tt.* [The Crimean War, in 2 vols]. Moscow — Leningrad, 1941–1944. (in Russ.)
33. *Moskovskie vedomosti* = Moscow Vedomosti, April 29, 1867, No. 93, p. 2. (in Russ.)
34. Gorchakov — Shtakelbergu. 4/16. X. 1868 [Gorchakov to Stackelberg, 4/16, X, 1868]. *The State Archive of the Russian Federation*, fund 828, inventory 1, file 1447, p. 153. (in Russ.)
35. Gorchakov — Iksyulyu. 4/16. X. 1868 [Gorchakov — Ixcule, 4/16, X, 1868]. *The State Archive of the Russian Federation*, fund 828, inventory 1, file 1447, p. 154. (in Russ.)
36. Cirkulyar ministerstva inostrannyh del rossijskim diplomaticheskim predstavityam za granicej 3 (15) yanvarya 1820 [Circular of the Ministry of Foreign Affairs to Russian Diplomatic Representatives Abroad January 3 (15), 1820]. In: *Vneshnyaya politika Rossii. Seriya 2. T. 3* [Russia's Foreign Policy, Series 2, vol. 3]. Moscow, Nauka, 1979, 879 p. (in Russ.)

Дударев Василий Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, wdudareff@gmail.com

Vasily S. Dudarev, ScD in History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, wdudareff@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.08.2024. Принята к публикации 11.09.2024
The paper was submitted 25.08.2024. Accepted for publication 11.09.2024